

ВТОРНИКЪ, 6 ЮЛЯ 1904 ГОДА.

№ 158

ВОСТОЧНОЕ ВОЗРѢНІЕ

ГОДЪ
XXIII

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Антон Павлович Чехов

Телеграф принес горестное известие о кончине талантливейшего из современных беллетристов, умершего в таком возрасте, когда расцвёт литературного таланта далеко еще не закончился. Ужасная трагедия русской жизни—почти все наши писатели умирают много раньше, чем их собраты на западе. Антон Павлович умер 44 лет, не дожидая до 25-летнего литературного юбилея, который должен был исполниться в нынешнем году.

Друзья и почитатели покойного точно предвидели эту преждевременную кончину и 16 января, на первом представлении пьесы «Вишневый сад», в Художественном театре организовали чествование писателя. Сколько задушевности, сколько любви было проявлено в этот день, а он, утомленный, больной, еле державшийся на ногах, как бы с недоумением смотрел на все эти проходящие депутаты, слушал адреса, речи... А мы, его чествовавшие, как гордятся русской литературой, как того художника и бытописателя нашего безвременья, пестораян слова Аня—«прошай старая жизнь» и вторили Трофиму «здравствуй юная жизнь»!.. Тогда же 16 января, вместе с Веселовским, Лукницким, Гольдциным, Горьким, Гаринным и др., обсуждая впечатления от «Вишневого сада», спрашивали себя—доживет ли А. П. до новой жизни, течение которой уже удоволь в «Невесте» и значительно раньше, чем написать «Вишневый сад». Но никто не решился ответить на этот вопрос: самая действительность, насколько раньше устроенный юбилей говорил за то, что мы боялись за А. П. и не ошиблись. Не прошло и полгода с момента торжества чествования, публичного признания его за-

слуг, как писателя не стало... «У богатого недруги мрут, у бедного друг умирает»...

В течение 5 мѣс. потерял таких великанов, как Михайловский, Верещагин, Чехов—это слишком много и для более богатой талантами страны, чем наша.

А. П. Чехов, сын бывшего крепостного, врач по образованию, в литературе появился впервые в 1879 г. цѣлым рядом мелких рассказов, напечатанных в «Стрекозе», «Будильнике», «Осколках» и др. под псевдонимом «Чехонте». Окончивши в 1884 г. московский университет, А. П. начал печататься в «Пetersb. Газ.», «Нов. Вр.», а затѣм в «Св. Вѣст.», «Русск. Мысли», а позднее в «Жизни».

Изданный им в 1886 г. сборник первых своих рассказов мало обратил на себя внимания публики, но за второй сборник 1887 г.—«В сумерках» показал, что в лицѣ Чехова русская литература приобрѣла новый крупный талант, задушевный и тонкого художника. Успѣх Чехова возрастал с каждым годом; его произведенья стали поддерживать по многу изданий. «Степь», «Скупная история», «Дуэль», «Палата № 6», «Мужики», «Человек в футляре», а затѣм пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и др. читались нарастающе, и Чехов приобрѣл огромную популярность, с которой из молодых писателей могут сравниться очень немногие. Благодаря Чехову, произведенья которого были приложены к «Нивѣ», журнал приобрѣл небывалое большое число подписчиков.

Въ 1895 г. Чехов поселился в Сахалин, откуда вынес мрачные впечатлѣнія, которыми проникнуто описание этого путешествія.

За послѣдние годы здоровье А. П. сильно пошатнулось, и злой недуг—чахотка постепенно подтачивала его организмъ. Онъ большую часть жилъ в

Ялѣ, изрѣдко наѣзжая в Москву, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Художественнаго театра, въ труппѣ котораго его жена, даровитая артистка г-жа Книпперъ, занимает видное мѣсто. Ва. Ив. Немировичъ-Данченко называлъ этотъ театр Чеховским, и это действительно такъ. Здѣсь ставились все пьесы Чехова, здѣсь артисты выступили съ писателемъ создавали типы; пьесы Чехова нужно смотрѣть только въ Художественномъ театрѣ, гдѣ онъ производитъ глубокое впечатлѣніе. Чеховъ и Художественный театръ стали не раздѣльными, и громадная потеря русскимъ обществомъ великаго писателя съ особенной болью отразится на его друзьяхъ въ Художественномъ театрѣ. Съ юня прошлаго года А. П. вошелъ въ составъ редакціи «Русской Мысли» и принялъ на себя редактированіе беллетристическаго отдѣла. Онъ вместе съ В. А. Гольдцинымъ мечталъ расширить и поднять этотъ журналъ, но его планамъ не суждено было сбыться. Жизнь въ Москвѣ вредно отразилась на здоровьи писателя, ему пришлось бѣжать изъ Москвы на югъ, а потомъ заграницу, гдѣ въ Воденейерѣ спохватился на рукахъ своей жены. Чеховъ умеръ вѣдалеко отъ того мѣста, гдѣ иногда проводилъ свои дни его учитель И. С. Тургеневъ, точно также скончавшійся заграницей. Мы не сомнѣваемся, что дорогие останки любимаго писателя не останутся на чужбинѣ, а будутъ перевезены на родину, за которую такъ страдалъ и болѣлъ писатель, увидѣвшій отъ насъ накануне «новой жизни», которой такъ жаждало его болѣющее сердце и такъ мучительно хотѣлъ его уми.

Чеховъ былъ истинно русскій писатель со всеми его достоинствами. Русская литература никогда не замыкалась въ сферу чисто художественныхъ интересовъ, а всегда была, какъ справедливо замѣчаетъ С. В. Велгровъ, «кафедрой, съ которой раздавался и учительное слово». Чему же насъ

училъ Чеховъ, какой его нравственный идеалъ, подъ угломъ зрѣнія котораго онъ расценивалъ действительность?

Отвѣты на эти вопросы давались самые разнорѣчивые. Н. К. Михайловскій въ первыхъ своихъ статьяхъ о Чеховѣ, признавая за нимъ огромный талантъ, упрекаетъ его за отсутствіе идеаловъ, за рабскіе равнодушное примиренье съ действительностью, за лпстическое преклоненіе передъ этой действительностью. Въ то же время другой критикъ, родственникъ по направленію Михайловскому, Скабичевскій обвиняетъ Чехова въ крайнемъ идеализмѣ, который полагаетъ, что вѣра и любовь въ буквальный смыслъ дыгають горами и подъ ихъ вліяніемъ самому отпѣтому негодю легко обратиться въ рыцаря безъ страха и упрека.

Мы впрочемъ приведемъ эти два противоположныя мнѣнія, чтобы подчеркнуть особенность таланта Чехова, на который такъ резко реагируютъ наши лучшие критики. Мы знаемъ, что и Михайловскій и Скабичевскій впоследствии много изменили въ своихъ взглядахъ на Чехова.

Не нужно забывать, что Чеховъ выдвинулся въ эпоху идейнаго бездорожья, сбиравшую силъ эпохи шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ, въ самый разгаръ реакціи, когда шелъ горячій споръ между шестидесятиками и восьмидесятиками—«дымъ». «Хмурые люди», комедія «Ивановъ» и дали поводъ Михайловскому говорить о «вещнообразности» неразборчивой растраты большаго таланта, о писателѣ «съ холодной кровью», но уже въ «Скупой исторіи» Михайловскій намѣтилъ жгучую жажду идеала. «Скупая исторія» показала, что и Чехову нужна «вертикальная» линия идеала и Михайловскій призналъ, что Чеховъ поднимался надъ безразличнымъ творчествомъ «холодной крови».

Но мы много мнѣнія, чемъ Михайловскій, и о первыхъ рассказахъ Чехо-

ва, конечно не объ юмористическихъ рассказахъ «Чехонте».

Чеховъ беретъ за сюжетовъ своихъ произведенья самые обыденные случаи изъ жизни; онъ не насыщаетъ фантазію, рисуетъ жизнь такой, какою она есть на самомъ дѣлѣ. Прочитавши рассказы Чехова вамъ кажется, что авторъ рассказалъ только что нѣ видѣнное, въ чемъ участствовалъ и онъ самъ. Но при всемъ разнообразіи случаевъ, ясныхъ Чеховымъ изъ жизни, мы чувствуемъ одну и ту же идею, одно и то же впечатлѣніе, которымъ онъ насъ преследуетъ. Писатель, описывая бессмысленную пошлость жизни, какъ будто бы одобренную успокоительной философией пантеистаго пантеизма, является тенденціознымъ писателемъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ не оправдываетъ жалкую, убогую жизнь людскихъ, сѣрую бездѣльную действительность, онъ не мирится съ нею, н. ч. идеалъ Чехова «Живой Богъ». Художнику не нужен сентенціи морали, нравственно-нѣжная проповѣдь; ему важно впечатлѣніе читателя, чтобы разбудить въ немъ доброе чувство, и въ этомъ отношеніи всѣ рассказы Чехова великодушны, гниальны. Чеховское изображеніе пошлой жизни вызываетъ въ душѣ читателя чувство возмущенія и активнаго недовольства, а не чувство примиренія и успокоенія. Художественное изображеніе скуки жизни, въ безсмыслицы сильно бьетъ читателя по нервамъ и заставляетъ его содрогнуться отъ ужаса передъ такою жизнью. Картина жизни, нарисованная Чеховымъ съ удивительной правдивостью, приводитъ читателя къ сознанію, что «большое жить такъ невозможно», нужна другая жизнь, свѣтлая, прекрасная, красивая. Изъ новой жизни властно возникаетъ въ душѣ читателя, и эта изболѣвшая душа зоветъ въ высь, къ свѣту на полѣ, зоветъ подняться выше по вертикальной надъ всей этой Чеховиной. Даже такое произведенье, какъ «Дядя Ваня» или «Три

сестры», не могут внести успокоенія, а еще болѣе обостряютъ конфликтъ между идеаломъ и пошлюю дѣйствительностью, вызываютъ жажду борьбы. Въ этомъ великая заслуга Чехова, въ этомъ характерная особенность его таланта, который нѣтъ возможности исчерпать въ газетной статьѣ, цѣль которой подчеркнуть положительные достоинства покойнаго писателя и горячо протестовать противъ обвиненія Чехова въ бездѣйности, въ примирительномъ направленіи, въ больномъ безразличномъ пессимизмѣ, ницшеанствѣ и т. п. Чеховъ срываетъ съ жизни всѣ украшающіе ее покровы, всѣ мишурныя блески, онъ разбиваетъ всякія иллюзіи, онъ безстрашно оголяетъ правду жизни, какъ бы отвратительна и ужасна она ни была, и жизнь передъ читателемъ стоитъ во всей наготѣ; но что это за жизнь?—Это омертвѣлое царство зоологической обыденщины и обывательщины, ненавистное самому непретедательному человеку. Отъ этой жизни бѣгутъ не одни «Безпокойные люди» Чехова, не одна «Невеста», не одни Аня и Трофимовъ, но и сами «Хмурые люди», «Люди въ футлярѣ»... и даже «Мушкетеры»...

«Молчать въ бездѣйствіи позорно»,

«Бѣсъ хлѣбъ, оравленный слезами нищеты»,

Носить ярмо раба въ смиреніи покорномъ—

Такъ жить не можешь ты, такъ жить не хочешь ты.

Гдѣ-жѣ свѣтъ и гдѣ исходъ?..

Этотъ безнадежный вопросъ Надсона могъ бы быть приложенъ къ Чеховскому описанію жизни, если бы чудная душа художника не обѣщала бы въ будущемъ боже свѣтлой жизни... Мы готовы воскликнуть съ Иваномъ Ивановичемъ: «Нѣтъ, больше жить такъ невоз-

можно», но въ то же время не можемъ не согласиться съ ординаторомъ Королевымъ, что этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ. Нашимъ дѣтямъ «будетъ видѣнъ, чѣмъ намъ. Хорошая жизнь будетъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ»...

Въ «Вишневомъ Садѣ» студентъ Трофимовъ говоритъ: «Человѣчество идетъ впередъ, совершенствуя свои силы. Все, что недосыгаемо для него теперь, когда-нибудь станетъ близкимъ, понятнымъ, только вотъ надо работать, помогать всѣми силами тѣмъ, кто ищетъ истину».

Въ этихъ словахъ нѣтъ безнадежнаго пессимизма, напротивъ онъ бодръ и полны вѣры въ будущее. Мелкіе, униженные, пришибленные жизнью и стиснутые «футляромъ» люди, все же люди раздраженные, недовольные и оскорбленные жалкой и тусклою дѣйствительностью, имъ «нуженъ не футляръ», не безнадежная дѣйствительность, не «Москва», не мужья жизнь съ недородами и недоумками, «не три аршина земли, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ они могли бы проявить всѣ свойства и особенности своего духа».

Почти уже у могилы Чеховъ говоритъ словами Ани: «Прощай старая жизнь!» и въ лицѣ Трофимова привѣтствуетъ новую жизнь—«здравствуй, новая жизнь!»

Будемъ вѣрить, что великій художникъ, котораго высоко цѣнятъ и на западѣ, уходя отъ насъ, сказалъ вѣщее слово. Съ благодарностью останавливаясь на свѣтломъ образѣ писателя, только что ушедшаго въ вѣчность, глубоко сожалѣя, что «при красивой жизни» мы уже не услышимъ его чудныхъ словъ, мы вѣримъ въ свѣтлое будущее нашей родины и повторяемъ Чеховское: «Здравствуй, новая жизнь!»